

MODERN EGYPTIAN NOVEL: DEVELOPMENT TRENDS

Nina A. Uspenskaya, Ella V. Iakovenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The purpose of the work is to consider two trends in the development of the Egyptian novel on the examples of the works by Tawfiq al-Hakim, Yahya Haqqi, Naguib Mahfouz, Abd ar-Rahman ash-Sharkawi on the one hand, and Ibrahim Abd al-Qadir al-Mazini, and Abbas al-Akkad, on the other hand; to trace their development and manifestation in the works by famous contemporary Egyptian authors, winners of the Man Booker Prize – Bahaa Taher and Yusuf Zeidan. It is necessary to point out the main features laid down by the founders of the novel genre, are awareness of national tasks, ideas of national unity, subordination of personal interests to public ones, attention to social problems, and high spiritual content. These features were equally inherent in such works as *Return of the Spirit*, *A Bird from the East*, *The Lamp of Umm Hashim*, *Earth* and many novels by Naguib Mahfouz. The democratism of these novels, their high moral potential, focus on national themes, and patriot-ism are noted. On the other hand, the works *Ibrahim the Writer* and *Sarah* are considered, where the philosophy of egoism, the opposition of the individual to public interests, the ideas of free love and ‘liberation of the flesh’ are cultivated. Novels that demonstrate these two different tendencies have one thing in common – the influence of an external model, as, for example, in the novel *The Writer Ibrahim* of M. Art-sybashev’s novel *Sanin*. The continuation of these two directions of the Egyptian novel is demonstrated by the example of the works *Love in Exile* and *The Nabatean*.

Keywords: Egyptian novel, the Man Booker Prize, traditions of realism, generation of inno-vators, influence of an external model, moral and ethical attitude, genre development trends

For citation: Uspenskaya N.A., Iakovenko E.V. (2022). Modern Egyptian novel: development trends. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 204–218. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-204-218>

СОВРЕМЕННЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ РОМАН – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Успенская Н.А., Яковенко Э.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Цель работы – рассмотрение двух тенденций развития египетского романа на примерах произведений Тауфика ал-Хакима, Йахйя Хакки, Нагиба Махфуза, Абд ар-Рахмана аш-Шаркави с одной стороны, и Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада, с другой стороны; проследить их развитие и проявление в произведениях известных современных египетских авторов, получивших Букеровскую премию, – Баха Тахира и Юсуфа Зейдана. Необходимо отметить основные черты, заложенные основателями египетского романного жанра, такие как осознание общенациональных задач, идеи национального единства, подчинения личных интересов общественным, внимание к социальным проблемам, высокое духовное содержание. Эти особенности в равной мере были присущи таким произведениям, как «Возвращение духа» и «Птичка с Востока» Тауфика аль-Хакима, «Лампадка Умм Хашим» Йахйя Хакки, «Земля» Абд ар-Рахмана Шаркави и многим романам Нагиба Махфуза. Отмечается демократизм данных романов, их высокий моральный потенциал, нацеленность на национальную тематику, патриотизм. С другой стороны, рассмотрены произведения «Писатель Ибрагим» Аль-Мазини и «Сара» Аббаса ал-Аккада, где культивируется философия эгоизма, противопоставление личности общественным интересам, идеи свободной любви и «раскрепощения плоти». Романы, демонстрирующие эти две различные тенденции, имеют одну общую особенность – влияние внешнего образца, как, например, в романе «Писатель Ибрагим» Ибрагима абд ал-Кадира ал-Мазини, романа М. Арцыбашева «Санин». Продолжение этих двух направленностей египетского романа продемонстрированы на примере сочинений «Любовь в изгнании» Баха Тахира и «Набатеец» Юсуфа Зейдана.

Ключевые слова: египетский роман, Арабская Букеровская премия, поколение обновителей, влияние внешнего образца, морально-этическая установка, тенденции развития жанра

Для цитирования: Успенская Н.А., Яковенко Э.В. (2022). Современный египетский роман – тенденции развития. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 204–218. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-204-218>

Целью представленной статьи является выявить и проследить развитие двух тенденций в египетском романе середины XX века и их продолжение в романах, опубликованных в конце прошлого тысячелетия и начале нынешнего.

К середине прошлого века в египетской литературе сложились новые современные прозаические жанры, в том числе (ривайа) роман. Данным термином часто обозначали произведения, которые по терминологии, принятой в русском литературоведении, попадали под определение «повесть». Таковым было, например, произведение Йахйя Хакки «Лампадка Умм Хашим». Происходило освоение стилей, художественных средств, композиционных приёмов из западной и русской литератур в целях эстетического отображения действительности [18]. Постоянным девизом литературного движения стало «обновление». Каждое новое поколение литераторов объявляло достигнутое предыдущими авторами устаревшим. При этом связь с традицией никогда не прерывалась. Рассмотренный в статье роман «Любовь в изгнании» (Ал-хубб фи ал-манфа) является ярким доказательством данного тезиса. Он принадлежит Баха Тахиру, писателю поколения обно-

вителей, критиковавших своих предшественников и считавших их произведения не соответствующими духу времени. Но, несмотря на претензии на радикальное изменение и объявление себя некоторыми представителями «поколения без отцов», данный роман показывает, что отцы были, и среди них Нагиб Махфуз, Йахья Хакки и Тауфик ал-Хаким. Именно морально-этическую установку, данную в их произведениях, продолжил в своём романе Баха Тахир. В статье рассматривается и другая тенденция, заложенная сочинениями Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада, и продолжение её в романе современного автора Йусуфа Зейдана, который в отличие от романов, указанных выше, демонстрирует совершенно отличные морально-этические нормы.

В статье использованы индуктивный, описательный, сравнительно-исторический методы, а также контекстуальный анализ. Материалом исследования послужили произведения египетских писателей: Тауфика ал-Хакима, Йахья Хакки, Нагиба Махфуза, Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини, Аббаса ал-Аккада, Баха Тахира и Юсуфа Зейдана. В статье также упоминаются и анализируются романы «Прощай, оружие!» (1929) Э. Хемингуэя и «Санин» (1907) М. Арцыбашева, оказавших непосредственное влияние на некоторые из вышеупомянутых произведений. При написании статьи авторы опирались на теоретические взгляды В.Г. Белинского – типизм, как один из законов творчества, пафос, который отличает искусство от беспристрастной науки и сближает её с повседневным постижением жизни, а также взгляды В.М. Жирмунского, который считал, что «основной предпосылкой сравнительной истории литературы является единство процесса социально-исторического развития человечества, которым в свою очередь обусловлено единство развития литературы» [4, с. 8]. Он полагал, что любая идеология не возникает на пустом месте, она опирается при своём оформлении на идеологическое наследие, которое было создано на передовых участках исторического развития. Этот тезис был особенно важен для нас, чтобы проследить преемственность новых романов и произведений писателей старой школы. Также его высказывания о заимствованиях, свидетельствующих об усвоении определённых тенденций литературного мастерства, мы применили при исследовании влияния творчества Э. Хемингуэя [9] на египетского писателя Баха Тахира. Нами также была использована работа В.Е. Хализева, в которой нет монистической жёсткости, – автор отвергает всякий догматизм и не приемлет притязания на полноту владения истиной, схематизм и априоризм. Он считает, что недопустимо сведение литературы и её достижений (в духе постмодернизма) к ироническим играм, разрушающим всё и вся, «важно, чтобы теоретическое литературоведение впитало в себя как можно больше живого и ценного из разных научных школ» [8, с. 10]. Мы опирались также на работы египетских критиков, исследователей современного египетского романа Али ар-Раи [15] и Абд ал-Мухсина Таха Бадра [14], авторов наиболее значительных исследований египетского романа различных периодов, содержащих концептуальный взгляд на развитие этого жанра, представляющих историколитературное изучение процесса трансформации традиционных повествовательных жанров, в работах которых проводится подробный анализ практически всех вышеназванных авторов. Большое значение в написании данной статьи имели исследования В.Н. Кирпиченко и, в частности, «История египетской литературы XIX–XX вв.», в которых прослеживается весь путь развития египетского романа с момента его возникновения до конца прошлого века, даётся общая картина эволюции египетской литературы XX века в её связях с историческими событиями и изменениями общественной обстановки.

До середины XX века в египетском общественном сознании стояли общенациональные задачи. Идеи национального единства заслоняли в литературных произведениях изображение общественных различий. Египет, как некая общность, единое целое, противопоставлялся Европе. Эта общность была крепко связана едиными духовными ценностями. Их отражение мы находим в романе Тауфика ал-Хакима «Возвращение духа» (1933), который, по мнению многих критиков, считался первым египетским романом, достойным именоваться художественным [6, т. 1, с. 316]. В его основу были положены автобиографические воспоминания, что позволило изобразить живые картины из жизни близких автору людей, нарисовать в образе главного героя Мухсина собственный портрет в юные годы, свою первую любовь, стремление ко всему прекрасному, ощущение себя частицей египетской нации, веру в будущее Египта. Мухсин воспринимает Египет

как страну древней культуры, которая возрождается после многовекового сна. Такие же идеи мы находим в продолжении этого романа – «Птичка с Востока» (1938), в котором писатель отрицает пользу промышленного развития. Он считает, что все беды современного общества обязаны своим появлением развитию крупной промышленности, «которая поделила европейское общество на две части: небольшую группу людей, наживающих капиталы, и на огромное большинство тех, кто вынужден трудиться за кусок хлеба. Для первых нет другой религии, кроме золота, для вторых – религии вообще не существует» [16, с. 169]. По мнению автора, Европу может спасти только Восток, где ещё живы высокие нравственные идеалы, хотя «золотой век ислама» остался далеко в прошлом.

В романе проводится важная идея – подчинённость своего частного существования национальному, его высшей и общей ценности. Эта мысль нашла своё наиболее зрелое выражение в повести Йахья Хакки «Лампадка Умм Хашим» (1945) [17], которую многие критики определяют как «ривайа» так как терминологически роман и повесть в большинстве случаев обозначались этим термином. Принципиальное убеждение автора состоит в том, что нельзя отрекаться от своего народа, каким бы отсталым и невежественным он ни был, необходимо служить ему до конца своих дней, как это делает главный герой Исмаил.

В 50-е годы, после достижения Египтом национальной независимости в литературе на первый план выступают социальные проблемы. Социальное исследование общества, прежде всего его среднего класса как главного носителя «национальной идеи», доминирует в произведениях основоположника современного египетского романа Нагиба Махфуза, который создал в египетской литературе на арабском языке почти все известные типы романа: исторический, психологический, социально-бытовой, роман-эпопею, роман-метафору, роман-притчу. В каждом из них он ставил наиболее существенную для данного исторического момента проблему египетской действительности и наполнял свои произведения национальным содержанием. Нагиб Махфуз всю жизнь провёл в Каире, долгие годы жил в квартале Гамалийя, который называл «Хара», его он сделал источником для всех своих произведений, в нём черпал персонажей и события. Мир этого квартала заставлял его жить и творить [7].

Несомненно, что произведения западной и русской литературы оказали колоссальное влияние на развитие египетской литературы. Нагиб Махфуз, прочитав «Войну и мир» Л.Н. Толстого, писал своему другу: «Я не успокоюсь, пока не напишу такой же или подобный роман» [6, с. 269]. Известно, что на творчество Нагиба Махфуза оказали влияние такие писатели, как Д. Голсуорси («Сага о Форсайтах»), Б. Брехт, Т. Манн («Буденброки») и другие западные авторы.

При этом влияние западных авторов часто носило чисто технический характер: заимствование идеи, героя, художественные приёмы и т. д. [11, с. 74].

Так, некоторые критики упрекали Тауфика ал-Хакима в том, что в романе «Возвращение духа» слишком чувствуются «французские веяния», а египтянка Санийа напоминает француженку [6, т. 1, с. 316]. Литературное влияние становится возможным лишь тогда, «когда в самом обществе возникает потребность в идеологическом импорте. При этом всякое влияние претерпевает «социальную трансформацию» в зависимости от общественных условий и запросов воспринимающей среды» [4, с. 491].

В 1953 году был опубликован роман «Земля» Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, в котором писателю удалось создать реалистический образ египетской деревни, раскрыть психологические мотивы поведения своих крестьянских персонажей. События романа происходят в 1934 году, в период правления правительства Сидки-паши, защищавшего интересы крупных феодалов. Жизнь египетских крестьян (феллахов) связана с землёй, которая является для них единственным источником существования, и угроза потерять её становится катализатором, приводящим в движение всех жителей деревни, вынуждающим их выступить против властей. В этом произведении впервые возникает тема классовой борьбы в деревне, хотя, по мнению многих критиков, автор сильно преувеличил уровень политического сознания своих героев. Не обошлось здесь и без влияния внешнего источника – фабула «Земли» восходит к роману «Фонтамара» (1934) итальянского писателя Иньяцио Силлоне, который неоднократно переводился на арабский язык [6, т. 2, с. 35].

Традиции, заложенные творчеством прозаиков первой половины XX века несли в себе такие отличительные черты, как демократизм, который выражался в проявлении интереса к жизни простых людей, представителей среднего класса, которые всегда занимали центральное место в произведениях этих писателей; высокий моральный потенциал, идеи патриотизма, пристальный интерес авторов к социальным проблемам, нацеленность взгляда на реалии национальной жизни, использование опыта зарубежной литературы. Это отвечало провозглашённой в начале 20-х годов установке на эстетическое воплощение национальной действительности и создание художественного образа «героя времени», носителя черт национального египетского характера.

Говоря о египетском романе прошлого века, нельзя обойти вниманием ряд произведений, которые отражают иную тенденцию. Это, прежде всего, роман Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини «Писатель Ибрагим» [13] и роман Аббаса ал-Аккада «Сара» [1]. Первое произведение появилось под непосредственным влиянием романа М. Арцыбашева «Санин», в котором в философии свободной любви запечатлена идея эгоцентризма и аморализма. Проповедником этой идеи выступает его главный герой – Владимир Санин. «Чувственное наслаждение без каких-либо ограничений» – его главный лозунг. Санин преподносится читателю как образец «естественного человека», который характеризуется следующим образом: «Он делает то, что для человека совершенно естественно. Он видит вещь, которая ему не принадлежит, но которая хороша, он её берёт, видит женщину, которая ему не отдаётся, он возьмёт её силой или обманом. И это вполне естественно, потому что потребность и понимание наслаждений и есть одна из немногих черт, которыми естественный человек отличается от животного» [2, с. 3]. Главный персонаж произведения в своих взглядах заходит далеко: он готов спать с родной сестрой, и только «отсталость» Лиды препятствует этому. Родную мать он называет грубым «животным», толкает на самоубийство других персонажей романа. Санин воплощает идеи Ф. Ницше, провозгласившего идеал человека, упоённого своей силой и ни с какими ограничениями не считающегося [8, с. 38].

В 20-х годах прошлого века Ибрагим ал-Мазини выпустил перевод романа «Санин» с французского языка на арабский под названием «Естественный человек», который пользовался большой популярностью, что сподвигло египетского писателя на создание собственного произведения, романа «Писатель Ибрагим». Египетский автор не воспринял многие радикальные идеи М. Арцыбашева, ограничившись главным образом постулатом «свободной любви». Его главный герой – писатель Ибрагим, которого скука гонит из города в город. Он богат и живёт жизнью, не обременённой заботами и обязательствами. Смысл его существования – это свободная любовь, которая проявляется в том, что Ибрагим любит и одновременно имеет связи с тремя женщинами: Шушу, Лейлой и Мери. Критики отмечают автобиографизм романа, заключающийся в психологическом портрете героя, в котором Ибрагим ал-Мазини изобразил себя. По воспоминаниям современников, писатель всегда страдал от отсутствия женского внимания [14, с. 337].

Роман египетского автора во многом совпадает с русским прототипом: совпадают главные герои – каждый персонаж «Санина» обрёл в романе своего двойника, много текстуальных совпадений. Этот феномен подробно исследован в монографии Н.А. Успенской «Восток – Запад – Россия» [10, с. 31–40].

В египетской литературе тема освобождения человека, и, в частности, женщины, ассоциируется с борьбой за её эмансипацию, право утверждения в обществе. Поэтому в требовании физического раскрепощения читатели усмотрели вызов феодальным традициям, отсталости.

Следует отметить, что вопрос освобождения человека в обоих произведениях касается только избранных, тех, кто представляет «сливки общества». Отношение к простым людям в них является уничижительно-презрительным. Про крестьян Санин говорит, «что они живут, как скоты, и продолжают влачить скотское существование» [2, с. 308]. В романе «Писатель Ибрагим» чернокожая прислуга является объектом издевательств и презрения со стороны главного героя, который называет её «тупым животным».

В 1943 году Ибрагим ал-Мазини напечатал продолжение романа «Писатель Ибрагим» под заголовком «Снова об Ибрагиме» (Ибрагим ас-сани), в котором развил философские рассуждения, начатые в первом романе.

В 1938 году вышел роман Аббаса ал-Аккада «Сара», также посвящённый анализу любовных чувств, – герой Хумам любит двух женщин: Сару и Хинд. В основном описывается страсть, которая полностью поглотила Хумама к Саре, женщине, у которой он не первый и, возможно, не единственный любовник. По мнению критиков [6, с. 318], события, описанные в «Саре», имеют автобиографическую основу, и Аккад здесь полностью сосредоточился на психологическом аспекте любовных отношений, когда-то имевших место в его жизни [14, с. 356].

Последние три романа демонстрируют тенденцию, отличную от представленной произведениями Тауфика ал-Хакима и других основателей романного жанра. Герои этих романов полностью сконцентрированы на себе, на своих любовных переживаниях, они поглощены исследованием женской природы, их не интересуют общественные проблемы – например, Ибрагим из романа Ибрагима ал-Мазини противопоставляет себя обществу. Эти произведения уже не отмечены чертами демократизма, их отношение к бедным слоям презрительное. Для данных писателей, так же, как и для авторов, упомянутых в начале статьи, характерной особенностью является сильное влияние зарубежной литературы.

Данные две тенденции, которые проявились практически у истоков египетского романа, можно наблюдать и в самых последних произведениях египетских писателей. Рассмотрим два, на наш взгляд, совершенно противоположных по художественному уровню и идейному содержанию романа: Баха Тахира «Любовь в изгнании» (1995) и Йусуфа Зейдана «Набатеец» (2015, год издания на русском языке).

Баха Тахир – известный египетский новеллист начал свою литературную деятельность в середине XX века. Автор рассказов, повестей и романов. В 2007 году получил Арабскую Букеровскую премию за роман «Оазис, где заходит солнце» (2007). Его роман «Любовь в изгнании» описывает события, которые произошли в 1982 году во время войны Израиля против Ливана. В то же время он рисует трагическую историю искренней любви. Главный герой – известный журналист, сделавший карьеру в эпоху Гамалы Абд ан-Насера, политику и идеи которого он искренне разделял. Поэтому естественным является то, что после смерти президента он лишается своей высокой должности. Журналиста отправляют работать штатным корреспондентом в одну из небольших европейских стран, не названную в произведении, но по контексту можно предположить, что это Швейцария.

Помимо политической темы в романе прослеживается и личная история жизни каждого из персонажей: это и коллега главного героя, журналист Ибрагим, и его западный коллега Бернар, и молодая женщина Бриджит, выпускница филологического факультета из Австрии, некий эмир Хамид, египтянин эмигрант Юсуф и ряд других. Все эти персонажи, скорее всего, имеют своих прототипов, взятых из жизни, поэтому они выглядят очень достоверно. Главный герой, работая в Европе, пытается честно выполнять свой долг – писать правду о происходящих событиях, но оказывается, что его начальству эта правда абсолютно не нужна.

После крушения карьеры рушится и семейная жизнь журналиста. Его амбициозная жена Марнар, также журналистка, является инициатором развода.

В романе разработан и изображён целый ряд самых различных персонажей, связанных друг с другом прочной нитью. На первый план выдвигается душевное состояние людей, воспроизведены процессы формирования мыслей, чувств, намерений человека. Вот, например, история Бриджит: она потеряла ребёнка при трагических обстоятельствах – нападении бесчинствующих молодчиков. После этих событий она и её муж Альберт впали в депрессию, прекратили занятия в университете, в котором учились. В этой ситуации молодой женщине помогает отец, который заставляет её окончить университет; каждый вечер приходит домой к ней и её мужу, приносит еду, прибирает квартиру. Отец находит молодчиков из университета, из-за которых Бриджит потеряла ребёнка, и выигрывает судебное дело против них. Ей удалось преодолеть то состояние депрессии, в котором она находилась, а её муж Альберт этого сделать не смог. Вот как рассказывает об этом Бриджит после сданных экзаменов: «Мне было стыдно за свой успех, за то, что у меня есть отец, готовый ради меня на всё, в то время как Альберт один, и у него нет ни семьи, ни родственников в этом ненавидящем его городе. Я начала приходить в себя. Нет, окончательно я не пришла

в себя до сих пор. С кровью, которая вытекла из меня в ту субботнюю ночь, ушло нечто, что уже никогда не вернётся. Появилась другая Бриджит» [3, с. 133]. В этом высказывании открывается многое о характере молодой женщины, например, то, что в самый ужасный период жизни она думает прежде всего не о себе, а о своём муже.

Постоянно занимается «самокопанием» и главный герой, пытаюсь понять, как они дошли с женой до развода. Очевидно, что ему не удалось совладать с амбициями и сложным характером Манар. Но чаще всего он винит в случившемся себя: «Где та червоточина, которая разъедает и разрушает нас? И почему так безнадежно испортились отношения между мной и Манар? Я имею в виду существо отношений, а не те мелкие неурядицы, которые возникают между супругами много раз на дню. Я хорошо помню ту пустыню молчания, в которой жили мы с Манар долгие месяцы перед разводом. Избегали встречаться взглядами, избегали бывать в одном месте с (детьми) Ханади и Халидом. Чувствовали себя, как солдаты, сдавшиеся в плен врагу и не осмеливающиеся, из чувства стыда, взглянуть в лицо друг другу.» [3, с. 56].

Переживания этих людей направлены на некий смысл, попытку найти корни своих ошибок или причин случившегося, но не на самих себя. Здесь нет жажды самовозвышения или самооправдания, или оглядки на мнение о себе окружающих. Таким предстаёт перед читателем и египетский журналист в Ливане коммунист Ибрагим. Он исповедуется своему другу, безымянному главному герою, во многих своих поступках, пытаюсь отыскать ответы на мучающие его вопросы: «Я не раз слышал твои рассказы о нищем детстве и, поверь мне, иногда завидовал тебе! Мне хотелось быть на твоём месте! Вообще хотелось быть другим человеком, не тем, кем был я ... Я часто спрашиваю себя, какие случайные обстоятельства влияют на нас и формируют нас? Нужно ли было, чтобы я родился сыном богатого землевладельца? И нужно ли было, чтобы наш дом был полон книг, которые отец приобретал, переплетал, выводил на корешках своё имя золотыми буквами и никогда не читал, предоставив это мне, когда я выучился читать. А если бы одно из этих обстоятельств отсутствовало? Жизнь моя с самого начала сложилась бы иначе? Я не научился бы смотреть на вещи критически? Почему я не наслаждался той жизнью, как наслаждался бы любой другой на моём месте? ... Почему? Я пытаюсь вспомнить, когда начались мои терзания?» [3, с. 100].

Ибрагим старается найти ответы на вопросы, мучившие его всю жизнь. Он человек с тонкой душевной организацией, очень эмоциональный. Желая объяснить своему другу причину, по которой стал коммунистом, он говорит: «Я страдал не от воображаемых комплексов, а от несправедливости. Точно так же я страдал позже, когда уже подрос, наблюдая, как отец и его люди грабят феллахов – обвешивают при приёмке хлопка, при расчётах» [3, с. 101].

У этих героев самосознание реализуется в виде рефлексии, которая заставляет человека «возвращаться» к самому себе. В данном случае этот акт обусловлен разладом между героями и окружающим их обществом. Главный герой и Ибрагим олицетворяют журналистов, такими, какими должны быть представители этой профессии – честными, самоотверженными, готовыми нести людям правду, чего бы это ни стоило. Происходят ужасные вещи: под пытками умирают люди, во время войны Израиля против Ливана организована кровавая бойня, которую устроили вооружённые и охраняемые Израилем фалангисты против мирных жителей: женщин, детей, стариков в лагерях Сабра и Шатила – и в результате которой погибли тысячи невинных людей. И только одна газета согласилась на публикацию материалов об этом. Уже три дня продолжалась резня в палестинских лагерях, но телевидение и радио в стране, где живёт журналист, ни словом не обмолвились об этом. Главный герой пытается что-нибудь узнать, но по телевидению идёт сериал «Даллас», а по радио лёгкая весёлая музыка. Всё объяснялось очень просто: есть люди настоящие, есть люди ненужные, вроде палестинцев, которые не имеют права на жизнь.

Ибрагим погибает в Ливане при обстоятельствах, которые читателю не сообщаются. Возможно, его убили израильтяне или фалангисты, когда он собирал материал о войне. Возможно, не выдержала его нервная система при виде гор трупов и роящихся вокруг них миллионов мух. Свой последний репортаж он диктовал своему другу по телефону, голос его постоянно прерывался, а связь обрывалась. Его друг поклялся, что опубликует этот материал, во что бы то ни стало, но это

удалось ему только частично. Европейцев не волновали чужие проблемы, но и египетская газета также не была заинтересована в материале.

Роман можно было бы назвать политическим, особенно ещё и потому, что в него вкраплены документальные материалы: отрывки из интервью очевидцев событий, из выступлений политических деятелей, из прессы. Но эти материалы не портят художественной ткани произведения. Тем более что в нём подробно описывается личная жизнь героев, истории любви и предательства, ненависти и прощения, проступков и раскаяния.

Кроме того, данный роман выполнен на высокохудожественном уровне. В нём присутствуют многочисленные диалоги: речь персонажей играет большую роль, помогает характеризовать их. Вот, например, слова Элен, хозяйки кафе, в котором на кухне работает её муж Юсуф, молодой египтянин: «– Я люблю Юсуфа. – Это естественно. В ответ она тихо рассмеялась. – Нет, нет, это вовсе не естественно, ведь он годится мне в сыновья. Он почти окончил университет, а у меня нет никакого образования. Но я его люблю, и он ко мне хорошо относится. Не спрашивайте почему. Женился ли он на мне, потому что ему нужна была работа и уверенность в завтрашнем дне? Возможно. После отъезда эмира в прошлом году он переживал трудное время, у него не было разрешения на работу. Однако у меня до него работали многие молодые люди ещё моложе его и красивее, но я не думала ни об одном мужчине с тех пор, как умер мой первый муж...» [3, с. 190]. Этот, можно сказать, монолог разъясняет многое, в какой-то мере он характеризует не только Элен, но и её молодого мужа, особенно если сопоставить её слова с его поведением.

В качестве другого примера можно привести слова Бернара в ответ на реплику журналиста о том, что всюду в газетах творится одно и то же: «– Про «всюду» не знаю, знаю только про самого себя. Помню, с какими большими надеждами начинал, и вижу, к чему пришёл. Знаю, что мой собственный сын, которому я с детства пытался привить любовь к правде, передать своё понимание мира, сейчас торгует оружием, продаёт его африканцам, чтобы они убивали друг друга, и наживает на этом сотни тысяч, а возможно, и миллионы. А когда я пытался убедить его отказаться от этого бизнеса, он лишь посмеялся и обвинил меня в том, что я хочу превратить его в такого же неудачника, каков сам. Только что идиотом не обозвал! Он не присылает мне даже поздравительной открытки на день моего рождения! А Жан Батист (приёмный ребёнок), кто знает, что с ним станет, когда он вырастет?» [там же, с. 224]. Здесь и мировоззрение журналиста, и его разочарование в профессии, в жизни, боль за сына, обида и неуверенность в будущем.

Большую роль в романе играет портрет героев. Вот, например, портрет Бриджит, составленный героем сразу после пресс-конференции, на которой выступал свидетель пыток в чилийской тюрьме: «Я отметил про себя, что её большие глаза всё ещё хранят выражение, появившееся в них к концу пресс-конференции с Педро Ибаньесом: зрачки беспокойно бегают, а веки то и дело вздрагивают. Она пыталась справиться с собой, непрерывно курила и улыбалась какой-то застывшей улыбкой. С близкого расстояния я разглядел, что черты её лица несколько крупноваты – нос длинен, рот широк. Но всё вместе необыкновенно пропорционально и прелестно. Особенно её украшал широкий лоб и густые, блестящие золотистые волосы, разделённые прямым пробормом и заплетённые в длинную косу, которая была аккуратно уложена на затылке и оставляла открытой высокую белую шею. Наблюдая за ней, я отметил также, что её улыбка не нарочита, просто её лицо от природы улыбчиво» [там же, с. 61]. Подробная характеристика касается не только внешности, она затрагивает мимику, поведение. Учитывая характер пресс-конференции, можно объяснить нервозность девушки, которая с трудом справлялась с собой, будучи не в силах пережить все жестокости, о которых было рассказано. Кроме прочего, это описание характеризует и того, кто его делал. Очевидно, что главный герой сразу проникся к Бриджит большой симпатией, а возможно, и ощутил нечто большее.

Приведём совершенно другой портрет, сделанный тем же самым человеком. Придя в отель на встречу с эмиром, журналист отмечает: «Эмиру Хамиду было лет тридцать пять. Круглое лицо, бритый подбородок, кожа довольно светлая, но черты лица явно восточные, что подтверждали и густые чёрные волосы, и блестящие карие глаза. На нём был тёмносиний костюм и галстук с мелким рисунком в спокойных голубых и жёлтых тонах. Он был скорее невысокого роста, но я

моментально ощутил исходящую от него силу» [там же, с. 171]. Цепкий взгляд журналиста ухватил сразу самое главное и подсознательно почувствовал сложность характера этого человека и даже возможную опасность, исходящую от него, что очень скоро нашло своё подтверждение. Это свидетельствует о том, что портрет в данном романе раскрывает сложность и многоплановость персонажей, и живописание наружности сочетается с психологическим анализом, проникновением вглубь, в душу.

О высоком художественном уровне романа говорит и пейзаж, используемый автором в разные моменты жизненной эволюции главного героя. Пейзаж в каждом случае подчёркивает его эмоциональное состояние, гармонично сочетаясь с его настроением. Приведём описание пейзажа в момент, когда Бриджит призналась в любви к журналисту и жизнь вспыхнула для него яркими красками: «Как же я до сих пор не замечал, не обращал внимания на чудесную, раньше обычного наступившую в этом году осень?! Зелень деревьев, которые росли в этом тихом квартале по обеим сторонам улицы, поблекла и была расшита блистающей на солнце желтизной. Каждое дерево на этом празднике осени напоминало гигантский цветок, раскрашенный в бледнозелёные, жёлтые, жёлто-коричневые, красные, серебристые и другие, не поддающиеся определению тона. Срываемые ветерком листья, прежде чем упасть на землю, медленно кружились в воздухе, словно золотистые бабочки. На земле, вокруг каждого ствола лежал, как отражение самого дерева, жёлтый круг из листьев. Их слабое шевеление и сухой шелест рождали волнение в груди. Я долго стоял, отрешившись от всяких мыслей и переводя взгляд от чистого синего неба на теряющие своё убранство деревья. Из глаз катились слёзы, но я с ними не боролся. Что-то внутри подсказывало мне, что в этом тихом золотом огне возродится и оживёт моя душа» [там же, с. 165].

Образы природы обладают уникальной значимостью, в данном отрывке они символизируют возрождение героя, жизнь которого перед этим зашла в глухой тупик и снова возродилась.

Но возьмём другой отрывок, в котором пейзаж оттеняет трагический момент, когда журналист, сломленный безжалостным поворотом судьбы и своим бессилием что-либо изменить, умирает от инфаркта в окружении тех же деревьев: «Туманная завеса окутывает всё вокруг, завеса из мельчайших переливающихся капель, за которой дрожат и колеблются силуэты дворцов и деревьев. Я спускаюсь. Подниматься нет сил. Я забыл про карту, забыл про машину и просто иду по улице, спускающейся к реке. Всё ниже и ниже. Наконец достигаю маленького садика на берегу. В изнеможении сажусь. Река передо мной застыла в свинцовой неподвижности. Город – скопление серых дрожащих пятен» [3, с. 269]. Нет надобности говорить, насколько этот пейзаж соответствует трагическому моменту.

Данному произведению присущ глубокий лиризм, мягкость и тонкость эмоционального начала. Всё это присутствует во всех любовных сценах, и это неудивительно. Но этим настроением окрашены и другие, трагические моменты: «Знаешь, кто приходил сегодня попрощаться со мной? Пришёл утром, вошёл через балкон. В квартире оставалось только то, что ты видишь – маленький столик и два кресла. – Кто вошёл через балкон, Бриджит? – Он вошёл и прощепетал утренний привет. Осмотрелся. Ему понравилось эхо трепета его крыльев в пустой комнате, и он долго ходил по ней. Я стояла неподвижно возле балконной двери, чтобы не спугнуть его. Потом он взлетел на столик и чирикнул два раза, глядя на меня. Я поняла и поблагодарила. Он покрутил головкой, почесал её вытянутой ножкой, поискал, что бы мне ещё сказать, и не нашёл. Сделал последний круг по комнате и выпрыгнул на балкон, задев меня крылом. Неужели умер твой друг Ибрагим?» [там же, с. 262]. Так преподносится первое известие о смерти журналиста Ибрагима. Не менее лирично, как это ни парадоксально, звучит описание смерти главного героя. Он умирает на скамейке в садике на берегу реки от инфаркта: «Откуда-то издалека доносился голос: – Месье, месье... вам плохо? Мне не было плохо. Я соскальзывал в спокойное море, меня несла на своём гребне мягкая волна, я слышал отдалённый звук свирели. – Вот это и есть конец? – думал я. – Как хорошо! А голос где-то вдали повторял: – Месье... месье! Но он отдалялся и затихал, а свирель звучала всё громче. Волна несла меня вдаль. Медленно качая, убаюкивая... И печальный напев свирели сопровождал меня на пути к миру и покою» [там же, с. 270].

Другой важной особенностью является то, что многое роднит «Любовь в изгнании» с романом Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». Ощущение близости двух произведений невольно возникает при чтении.

Два антивоенных произведения о любви, две человеческие трагедии, написанные с разрывом в 65 лет. В обоих, практически, единственный главный герой – это война. Два романа, которые написаны на одну тему и которые могут быть поставлены на одну полку. Герой арабского – журналист и писатель, автор другого – тоже профессиональный журналист и писатель. Действие в обоих романах происходит в Швейцарии (в романе «Прощай, оружие!» события в Швейцарии происходят во второй половине романа). Оба автора выступают против войны. Сцены, рисующие её ужасы, достоверны и создают впечатление документальной хроники или дневника очевидца. Влияние Э. Хемингуэя на арабского автора было бесспорным, сам Тахир в данном романе говорит о своей увлечённости сочинениями американского писателя, в частности он упоминает «По ком звонит колокол». Многие герои в египетском романе в молодости воевали в Испании: это и отец Бриджит, и доктор Мюллер. Отец Бернара устраивал лагеря для бежавших после поражения республиканцев, а Бернар ребёнком работал в них.

Это влияние носит чисто духовный характер. Баха Тахир был пленён американским писателем: манерой его письма, его взглядами, и та история, которую он создал в романе «Любовь в изгнании», полностью созвучна с историей, поведанной Э. Хемингуэем в романе «Прощай, оружие!». Данный вопрос подробно рассмотрен в статье «Баха Тахир и Эрнест Хемингуэй о любви и о войне» Н.А. Успенской [12].

Баха Тахир принадлежит к поколению 60-х годов XX века, так называемым писателям «новой волны», которые выступали за радикальное обновление литературы, критиковали своих предшественников. «Обновление стало постоянным девизом литературного движения, и каждое новое поколение литераторов начинало с того, что объявляло достигнутое предшественниками устаревшим» [6, т. 2, с. 194], однако этот один из последних и поздних романов Баха Тахира служит доказательством преемственности принципов, заложенных старым поколением египетских авторов.

По высокой идейной и моральной составляющей роман Баха Тахира можно поставить в один ряд с ранними произведениями Тауфика аль-Хакима, Нагиба Махфуза, Йахья Хакки. Его героям присуще то же чувство патриотизма, проявляющееся в боли, которую они испытывают за свою страну. Все они такие же простые люди, которые служат прежде всего общественным интересам. Им противопоставляются сильные мира сего, которые во имя собственной выгоды готовы убивать, подавлять, рушить жизнь других людей. «Любовь в изгнании» – образец реалистического произведения, написанного на высоком художественном уровне. Так же, как и у писателей первой волны, здесь можно отметить влияние западной литературы, которое на этот раз выразилось не в подражании, а в чисто духовной близости двух авторов.

Что касается другого современного романа «Набатеец», то он принадлежит перу Йусуфа Зейдана, автора более позднего поколения, ставшего известным в 2009 году, после получения Арабской Букеровской премии за роман «Азазель». «Набатеец» появился несколько позднее и в 2015 году был переведён на русский язык. Он состоит из трёх частей, его события разворачиваются в VII веке. В основе романа история египтянки-коптки по имени Мария, которая вышла замуж за араба-набатейца.

Повествование ведётся от имени самой героини, которая не обладает ни острым умом, ни решительным характером, ни способностью анализировать события.

В начале романа девушке восемнадцать лет. Она подробно описывает свою жизнь в деревне и в самом начале повествования даёт свой портрет: «Счастья у меня в жизни мало, хотя я белокожая, как сердцевина пшеничного зёрнышка, и красивая, чуточку худая, но красивая. Женщины в деревне болтали, что, если я выйду замуж, то обязательно поправлюсь и стану ещё красивей. Мои глаза чистые и большие цвета мёда, который собирают пчёлы во время цветения клевера. Вокруг глаз густые ресницы цвета зимних ночей. У меня широкие дугообразные брови, а волосы мягкие и длинные. Сплетены они в толстые косы, хотя я их не люблю. Распущенные волосы смотрятся

красивее. Моя подруга Домиана говорила, что, когда я распускаю косы и крашу сурьмой ресницы, то становлюсь такой же очаровательной, как женщины Белого города» [5, с. 20].

По словам Марии, в деревне жили «добрые, беспричинно хмурившиеся мужчины и трудолюбивые женщины» [там же, с. 20], всех девушек выдавали замуж ещё в возрасте пятнадцати лет, и они уехали со своими мужьями кто куда. При этом ничего не сказано, каким трудом были заняты женщины и хмурые мужчины и чем целыми днями занималась сама героиня и члены её семьи. Девушке исполнилось восемнадцать, вся деревня считала её старой девой, и жители были этим сильно озабочены и выражали ей и её матери сочувствие. Но приехали арабы из Набатей и посватали Марию за молодого купца. Девушка покидает родительский дом и следует со своим мужем с арабским караваном на своё новое место жительства в Аравийскую пустыню. По пути они посещают христианский монастырь, главным образом чтобы продать свой товар и забрать монастырский мёд. Девушка знакомится с монахинями, они вместе часто плачут по разным поводам, в том числе по причине того, что мужчины не проявляют к женщине достаточного уважения. На новом месте свекровь даёт Марии новое имя – Мавия, и молодая женщина не возражает. Заканчивается роман исходом набатейцев из своих земель, так как мусульмане потребовали освободить для них территорию.

С самого начала повествование поражает огромным количеством бытовых деталей и подробностей, которые не служат раскрытию характеров действующих лиц и не имеют отношения к развитию сюжета. Например, Мария рассказывает о своих новых платьях: «Каждое из платьев выглядело так, будто сшито из двух лоскутов ткани. Но на самом деле из одного, и смотрится оно как абая. Первое платье было из мягкой, как шёлк, ткани жёлтого цвета, как новые сверкающие динары. Другое платье – тёплого гранатового цвета. Если любое из них разложить на кровати, то оно будет выглядеть, вроде квадратного покрывала. Края платья прошиты цветной лентой шириной в два пальца. Когда я облачаюсь в него, то они свисают с подмышек, а когда расправляю руки, края становятся похожими на крылья. Оба платья мне широки в ногах и узки в груди, а при ходьбе подол и рукава развеваются. К одному платью внизу на расстоянии двух пядей мама пришила жёлтую ткань с гранатовой подкладкой. Обе они хорошо просматриваются от моих колен до ступней. На груди, так же, как и на подоле, отчётливо видна подкладка абай, и создаётся впечатление, что под ней у меня надето ещё платье» [5, с. 93]. И такого рода описаний множество.

История семейной жизни Марии также пестрит подробностями, касающимися предметов быта, домашней утвари, пиршеств, на которых арабы выглядят как толпа грубых, неотёсанных, нередко агрессивных людей. Своего мужа Салуму она не любит, особенно часто женщина жалуется на мерзкий запах, который исходит из его рта – дело в том, что он пьёт вино, которое и даёт этот запах. Родственники зовут его «вонючка», он уже сменил трёх жён, но детей у него нет. У Салумы шесть родных братьев и две сестры. Многие братья женаты, и у всех членов семьи разное вероисповедание: здесь есть христиане, иудеи, язычники разного сорта – кто-то верит в богиню Ал-Лат, кто-то в других богов. Многочисленные истории браков, разводов, рождения детей у новых жён, празднеств, свадеб, траура и прочих событий сопровождаются разговорами о завоеваниях персов, резни иудеев, устроенной христианами в отместку за распятие Христа, и оставляют впечатление калейдоскопа, который без остановки вращает невидимая рука.

Младшего брата Салумы все зовут Набатеец, он тоже язычник, многие считают его пророком. Он иногда сидит по вечерам в окружении соплеменников и учит их разным премудростям. Вот одна из его проповедей: «Женщина и мужчина – две стороны сущности человека, и обе они сближаются друг с другом в начале жизни и в её конце. В период кормления материнской грудью мужское и женское сливаются, а затем разделяются, когда девочка становится девушкой, а мальчик юношей. И снова притягиваются, и страстно желают, чтобы мужское растворилось в женском, а женское в мужском, чтобы при их воссоединении максимально реализовалась сущность человека. А когда кто-то из них стареет, то приближается к своей противоположности. Старуха становится как мужчина, и у неё на лице даже могут вырасти волосы. Старик же, как женщина, обретает нежность и, как мать, проявляет заботливость. Словно женщина меняется с мужчиной жизненными ролями. Тогда увядает их стремление друг к другу и пропадает страсть» [5, с. 286].

Важной отличительной чертой романа является большое количество подробных сексуальных сцен, выписанных с большой долей натурализма. Марию лишает девственности в пятнадцатилетнем возрасте незнакомый араб, которого она встречает случайно в укромном месте по дороге домой. Это событие оставляет у неё приятное впечатление, она долгое время надеется, что ещё встретит этого человека, имени которого она не знает. Описание брачной ночи с Салумой также исполнено множеством натуралистических подробностей и растянуто на несколько страниц. История Марии включает также интимную связь с сестрой Салумы – Лейлой, которая была дважды замужем, развелась и на некоторое время сблизилась с молодой женщиной. Позднее она вышла замуж за египтянина. Героиня была так расстроена этим событием, что пыталась покончить с собой. В романе также много других сцен подобного рода: совокупления Лейлы с джином на каменном возвышении в горном ущелье, попытки изнасилования Марии перед свадьбой её соседом и т. д. Мария на протяжении романа часто рассказывает, как она моется, уделяя внимание разным частям своего обнажённого тела.

Что касается персонажей романа, то сложно судить об их характерах, несмотря на множество деталей в их описаниях. Мария любит свою мать и привязана к ней, та жалеет её, заботится о дочери, спит с ней в одной кровати. Но дочь не поделилась с матерью своими чувствами и ничего не рассказала после случайной встречи с арабом, который лишил её девственности. При этом мать с радостью отдаёт дочь замуж за никому не известного арабского купца и отправляет её с ним в далёкие края, полагая, что остаться старой девой гораздо страшнее.

О своём муже молодая женщина пишет следующее: «Всё, что меня сейчас волнует, ограничивается тем, что я жена арабского купца по имени Салума, косоглазого пьяницы с отвратительным запахом изо рта. К косоглазю я привыкла ещё до его отъезда, но к запаху не привыкну никогда. Места здесь много, и я могу спать вдалеке от мужа и не задыхаться от его вонючей глотки. Вскоре я вообще позабуду о его косом глазе и не буду смотреть ему в лицо, словно смущаясь чего-то, как я это делала раньше» [там же, с. 273].

Мария – христианка, но ей неприятно принимать причастие, потому что его раздаёт священник пальцами с длинными ногтями. Она молится Деве Марии, когда боится джинов или бесов, и в то же время в одночасье без сожаления принимает ислам, когда Салума просит её об этом.

Роман называется «Набатеец», по прозвищу одного из героев – родного брата Салумы. Во время сватовства Мария обратила внимание на его красоту: «У араба я заметила тонкие черты лица и накрашенные сурьмой выразительные глаза. Его одежда была безупречно белой, а от чалмы исходил тонкий аромат. С обеих сторон его спокойного худого лица свисало тонкое головное покрывало... Красавец напоминает мне безгрешного юношу или ангела, заблудившегося на небесном пути и спустившегося на землю просто так, без какой-либо цели, чтобы только пожить какое-то время среди людей» [там же, с. 29]. В том же духе выполнены и другие портреты, они не имеют психологической глубины несмотря на то, что выписаны с множеством деталей.

Роман кончается тем, что Набатеец решает остаться на старом месте и не покидать его вместе с остальными. Мария горячо просит его пойти с ними, она была бы готова остаться вместе с ним, если надо умереть и потом воскреснуть в виде птицы удода.

Речь персонажей напоминает речь современных людей. Особенно это касается речи главной героини, хотя, судя по содержанию романа, Мария нигде не училась: «За стоянкой животных установили две палатки: маленькую и большую. Они были покрыты тонкой льняной тканью, закреплённой посередине на высоких шестах верёвками. Проходя мимо большой палатки, муж кричал: «Я привёл свою жену из монастыря, Хатиб. Мы поедем с моими братьями и придём к тебе через час». Ему ответил из палатки громкий и повелевающий голос: «Не опаздывай, вонючий»» [5, с. 191].

Трудно сказать, так ли разговаривали купцы в VII веке, были ли у них часы, позволил бы араб называть себя так грубо.

Что касается женщин, то чаще всего они обсуждают сексуальные проблемы, различные части тела, их роль в отношениях с мужчинами.

Или ещё один пример разговоров среди женщин: «Когда муж был в отъезде, я много времени проводила в палатке Умм аль-Банин (свекрови). Рядом с ней безопасно, и я одной из первых узнавала обо всех новостях. Вечерами женщины разговаривали, шевеля в очаге угли, чтобы лучше согреться, обменивались мнениями и рассказывали кто что:

«Караван из Йемена придёт через несколько дней. Положение в Византии беспокойное. Шуйкайла остаётся здесь со своими детьми. Дожди не идут в большинстве областей. В центральной части полуострова и в его окрестностях стало много мусульман, и они стали нападать на окраины Византии» [там же, с. 314],

или:

«Фарва ибн Амр аль-Джузами объявил, что принял ислам, будучи эмиром. За это византийцы схватили его и распяли на деревянном кресте в окрестностях Палестины. В Йемене беспокойно: там пророк по имени Аль-Асвад сражается с правителем мусульман. Другой пророк, по имени Мусайлима на краю полуострова спорит с курейшитским пророком. Он использует глупые откровения и заявляет, что они снисходят к нему с небес. Церковники в Леванте борются друг с другом, утратив своё могущество, и царь Ираклий не знает, к какому из течений примкнуть. Караваны в этом году не пойдут в Эфиопию, потому что там тоже беспокойно – корабли пропадают, и совсем немногие купцы проходят в Ясриб по суше. Христиане повсеместно уничтожают иудеев, мстя им за то, что произошло раньше по их вине. Уже убиты десятки тысяч» [там же, с. 134].

Эти разговоры женщин во время вечерних посиделок напоминают телевизионный обзор новостей.

Можно сказать, что данное произведение является логическим продолжением традиции, заложенной романами Ибрагима ал-Мазини и Абба-са ал-Аккада. Однако «Набатеец» сильно проигрывает в художественном отношении. Несмотря на многочисленные красочные пейзажи, подробные бытовые описания, судьбоносные исторические события, которые даются только через разговоры персонажей, он не производит впечатления достоверности. Герои выглядят искусственными, созданными воображением писателя, и не соответствующими реалиям того времени. Кроме того, поток сексуальных подробностей, выписанных с большой долей натурализма, выдаёт стремление автора эпатировать читающую и пишущую публику, но не говорит в пользу данного произведения. О романе «Санин» в своё время писали как о порнографическом элементе в русской литературе, при этом в нём присутствовали крамольные идеи, но не было ни одной откровенной сексуальной сцены.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Романы Тауфика ал-Хакима, Йахья Хакки и Нагиба Махфуза середины XX века стали той основой, на которой было воздвигнуто здание современного египетского романа. Это были самые читаемые произведения в начале 50-х годов. Идеологическая ориентация – важный компонент характеристики героев этих произведений, которые в основном представлены выходцами из среднего класса. Их характерными чертами являются патриотизм, трудолюбие, демократизм, стремление найти решение социальных проблем бедности и богатства, вера в высокие нравственные идеалы. Общенациональная судьба волнует этих писателей больше, чем судьба отдельного человека.

2. Другую тенденцию морально-нравственного характера представляют романы Ибрагима ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада. Их герои, сконцентрированные на себе разочарованные индивидуалисты с сознанием своей непричастности к общественным проблемам и жизни общества, полностью сосредоточены на своих любовных переживаниях.

3. Обе вышеобозначенные тенденции имеют одну общую особенность – влияние внешнего источника – произведения западноевропейского, русского или американского автора.

4. Приведённые в статье два романа Баха Тахира и Йусуфа Зейдана – примеры произведений интроспективного типа, в которых образ внешнего мира преломляется через восприятие героя. Реалистический способ изображения зачастую происходит в форме его самопознания.

5. В романе «Любовь в изгнании» прослеживается непосредственное продолжение первой морально-нравственной тенденции, представленной произведениями Тауфика ал-Хакима, Йахья

Хакки и Нагиба Махфуза середины XX столетия. Роман «Набатеец», с точки зрения своей идейно-эстетической установки, тяготеет к линии, представленной романами Аббаса ал-Аккада и Ибрагима ал-Мазини.

Причём роман Баха Тахира, несмотря на его высокий художественный уровень, не был встречен столь шумно, как роман Йусуфа Зейдана, и был опубликован в русском переводе лишь в количестве двухсот экземпляров, что объясняется исключительно обстоятельствами материального характера.

Популярности «Набатейца», если обратиться к высказыванию В.Е. Хализева, «в немалой мере способствует громкость и эффектность “заявления” автором собственной оригинальности и новизны» [14, с. 173]. В литературно-художественной жизни широко бытуют ситуации «раздутой славы», нет основания измерять достоинство произведения и писателя его успехом у публики, его известностью. Немалое значение имеет и поощрение автора официальными и влиятельными кругами [8, с. 173], в частности в данном случае присвоением Арабской Букеровской премии.

Из многочисленных романов, опубликованных в Египте, «сколько-нибудь заметный след в литературе оставили считанные единицы несмотря на то, что некоторые романы выдержали в своё время по два-три издания» [6, с. 303].

Образы, созданные в художественных произведениях, выстраиваются в систему устойчивых духовных и нравственных ценностей, которые, как это демонстрируют приведённые примеры, могут не только не совпадать, но и быть совершенно противоположными.

© Сыщикова Е.С., Савчук Е.А. 2022

Список литературы

1. Аль-Аккад Аббас Махмуд. Сара. Каир: 1938.
2. Арцыбашев М.П. Санин. М.: Московское книгоиздательство. 1908г.
3. Баха Тахир. Любовь в изгнании //Перевод с араб. В.Н. Кирпиченко. М.: Изд центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино; ИВ РАН, 2010. 270 с.
4. Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Ленинград: Наука, 1982. 558 с.
5. Зейдан Юсуф. Набатеец /Перевод с араб. М. Наср аль-Гибали, В. Кункова М.: Изд. Российские новости, 2015. 391 с.
6. Кирпиченко В.Н. История египетской литературы XIX–XX веков. В 2-х томах /Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. М.: Восточная литература РАН, 2003. Т. 1. 408 с. Т. 2. 269 с.
7. Кирпиченко В. Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992. 301 с.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 473 с.
9. Хемингуэй Эрнест. Собрание сочинений. М.: Художественная литература. 1981. Т. 2. 687 с.
10. Успенская Н. А. Восток – Запад – Россия: процесс культурного взаимодействия. М.: Изд. МГИМО – Университет, 2011. 120 с.
11. Успенская Н. А. Становление реалистического направления в египетской прозе первой половины XX века. М.: Изд. МГИМО – Университет, 2017. 192 с.
12. Успенская Н. А. Баха Тахир и Эрнест Хемингуэй о любви и о войне // Арабская филология, традиции и современность. Труды Института Востоковедения РАН. 2018. Выпуск 18. 308 с. С. 134–151.
13. إبراهيم عبد القادر المازني. إبراهيم الكاتب. القاهرة، ١٩٣١
14. عبد المحسن طه بدر. تطور الرواية العربية الحديثة في مصر، ١٨٧٠-١٩٣٨، القاهرة، ١٩٦٨
15. علي الراعي. الرواية المصرية. دراسات في الرواية المصرية. القاهرة، ١٩٦٦
16. توفيق الحكيم. عودة الروح. القاهرة، ١٩٣٨
17. يحيى حقي. قنديل أم هاشم. القاهرة، ١٩٧٥
18. يحيى حقي. خطوات في النقد. القاهرة، ١٩٧٦

References

1. Al-Akkad Abbas Mahmud. Sara. Kair: 1938.
2. Artsybashev, M. P. *Sanin*. M.: Moskovskoe knigoizdatelstvo, 1908.
3. Baha Tahir. *Lyubov v izgnanii* /Perevod s arab. V.N. Kirpichenko. M.: izd TSentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino; IV RAN, 2010. 270 s.
4. Zhirmunskiy, V.M. *Gyote v russkoj literature*. Leningrad: Nauka, 1982. 558 s.

5. Zejdan, Yusuf. *Nabateec* / Perevod s arab. M. Nasr al-Gibali, V. Kunkova M.: Izd. Rossiyskie novosti, 2015. 391 s.
6. Kirpichenko, V.N. *Istoriia egipetskoj literatury XIX–XX vekov. V 2-h tomakh* /V.N. Kirpichenko, V.V. Safronov. M.: Vostochnaia literatura RAN, 2003. T. 1. 408 s. T. 2. 269 s.
7. Kirpichenko, V. N. *Nagib Mahfuz – emir arabskogo romana*. M.: Nauka, 1992. 301 s.
8. Halizev, V.E. *Teoriia literatury*. M.: Vysshaia shkola. 2002. 473 s.
9. Heminguei, Ernest. *Sobranie sochineniy*. M.: Hudozh. Literatura. 1981. T. 2. 687 s.
10. Uspenskaia, N. A. *Vostok – Zapad – Rossiia: prtscess kulturnogo vzai-mo-deistvii*. M.: Izd. MGIMO – Universitet, 2011. 120 s.
11. Uspenskaia, N. A. *Stanovlenie realisticheskogo napravleniia v egipetskoj proze pervoi poloviny XX veka*. M.: Izd. MGIMO – Universitet. 2017. 192 s.
12. Uspenskaia, N. A. Baha Tahir i Ernest Heminguej o lyubvi i o vojne // *Arabskaia filologiya, traditsii i sovremennost. Trudy Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2018. Vypusk 18. 308 s. S. 134–151.
13. Ibrahim Abd al Qadir al Mazini. Ibrahim al katib. Al Qahirah, 1931.
14. Abd al Muhsin Taha Badr. Tatawwur ar riwaiah al arabiih al hadisah fi Misr, 1870-1938, Al Qahirah, 1968.
15. Ali ar Rai. Ar riwaiah al misriiah. Dirasat fi ar riwaiah al misriiah. Al Qa-hirah, 1966.
16. Tawfiq al Hakim. Awdat ar ruh. Al Qahirah, 1938.
17. Iahia Haqqi. Qandil Umm Hashim. Al Qahirah, 1975.
18. Iahia Haqqi. Khutuwat fi an naqd. Al Qahirah, 1976.

Сведения об авторе:

Успенская Нина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: арабская филология. E-mail: ni.a.uspenskaya@my.mgimo.ru

Яковенко Элла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: арабская лексикография, грамматика. E-mail: e.yakovenko@inno.mgimo.ru

About the author:

Nina A. Uspenskaya, PhD, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Middle East languages, MGIMO. Spheres of research and professional interests: Arabic philology. E-mail: ni.a.uspenskaya@my.mgimo.ru

Ella V. Yakovenko, PhD, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Middle East languages, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexicography, philology. E-mail: e.yakovenko@inno.mgimo.ru

* * *